

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Координаты секретного аэродрома выявили только на вторые сутки. Странно это было — где-то рядом взлетали и садились самолеты, гул шел отовсюду, даже с востока, откуда они приходили. Ситуация отдавала абсурдом. Акустика здесь имела причуды — звуки отражались от холмов, вязли в ельнике, тонули в болотах. «Чертовщина, товарищ лейтенант, по-другому не скажешь», — бормотал и крестился отсталый в плане материализма красноармеец Паньков. Остальные натянуто улыбались, но тоже терялись в догадках. Мистическая версия выглядела самой правдоподобной — фрицы якобы настолько обнаглели, что привлекают к работе дьявольские силы. Группы по три-четыре человека регулярно выдвигались в разных направлениях, но возвращались ни с чем. Аэродром отсутствовал.

— Нужен научный подход, товарищ лейтенант, — деловито изрек Леонид Пастухов — невысокий, но осанистый парень, отучившийся два

года в институте военных инженеров. Данный факт он не выпячивал, даже как-то стеснялся, что два года протирал штаны на студенческой скамье, вместо того чтобы строить социализм, как все нормальные люди.

— Нужно поменьше умничать, — отрезал Глеб Шубин, — и расширить круг поисков. За северную гору не ходили? Боимся ноги стереть? Сержант Мамаев, бери троих — и вперед! А мы подождем. Особое внимание — ориентирам на местности.

Группа была многочисленной, вместе с Шубиным — тринадцать душ, плюс радиостанция весом в пуд. Столь людные компании в тылу врага Глеб не любил. Разведка — дело тихое, но рейд дальний, объект секретный, требовались группы поиска и группы прикрытия. Пришлось прислушаться к рекомендациям капитана Фокина — заместителя начштаба полка по разведке.

Группа базировалась в лощине, вокруг простирался нелюдимый осиновый лес с редкими вкраплениями березняка. Бойцы растянулись и нагребли на себя сухую прошлогоднюю листву. Кто-то пошутил: не кури, мол, товарищ, а то вспыхнешь, как соломенная баба. Сержант Петр Мамаев — широкий в кости, большеголовый, бритый наголо — степенно кивнул, дескать, приказ усвоил, и побежал, пригнувшись, в гущу леса. Шубин проводил его взглядом. Парень был

толковый, что плохо гармонировало с пудовыми кулаками, способными завалить быка. Красноармейцы Лях, Ветренко и Костромин припустили за сержантом.

Шубин покосился через плечо. Настя Томилина лежала неподалеку и принципиально не смотрела в его сторону. В пухлом ватном комбинезоне она напоминала медвежонка. Капюшон был плотно натянут, завязан под подбородком, но все же непокорные волосы нашли выход на волю. Настя облизнула губы и припала к прицелу снайперской винтовки — очевидно, разглядывала бурундуков. Глеб с трудом оторвал от нее глаза.

Служить на кухне или в медсанбате Настя не желала, всеми правдами и неправдами отстояла свое право находиться в мужской компании. «Никаких амуров на службе!» — решили они и скрепили это решение страстным поцелуем. Незачем смешить народ и отвлекать разведчиков от работы. Но в душе происходило что-то странное. Когда боец Томилина оставалась в части, Шубин чувствовал себя нормально, исчезало беспокойство. А сейчас постоянно приходилось проверять, на месте ли она, внимание рассеивалось. Но сладить с этим бедствием он не мог.

Настя была первоклассной разведчицей, отлично стреляла, умела сохранять невидимость и ладила с головой. Добро на ее участие в боевых операциях дал лично майор Малахов, временно

командующий 290-м полком, поэтому Шубину пришлось смириться.

— Женщина в разведке — это в принципе интересно, — поддержал майора капитан Фокин, — и может пойти на пользу мужскому коллективу, если он будет на нее засматриваться...

— Теперь ты понимаешь, что я чувствую, когда жду тебя с задания? — однажды спросила Настя. — Почему я должна мучиться, а ты нет?.. Не волнуйся, родной, я в пекло не полезу, буду работать на подхвате!

Разведчики шептались, посмеивались над женщиной. Но однажды устыдились — в тот день Настя прикрывала группу и пристрелила троих вооруженных до зубов солдат, сидевших в засаде на тропе. Она подкралась с фланга и перебила их прицельными выстрелами. Парни потом тряслись, представляя, от чего избавила их эта молчаливая девчонка...

11 апреля 1942 года. В лесу царит первозданная тишина. Снег практически растаял, деревья и кустарники стоят голые, ошетинились ветвями. Островки черного снега еще встречаются в низменностях. Густеет жухлая трава, но уже кое-где зеленеет свежая поросль. Солнце жарило весь день и недавно пошло на закат. В гуще леса оно почти не чувствовалось, только во время коротких привалов бойцы поднимали к нему лица, греясь в теплых лучах...

За спиной раздался шум — в ложбину съехали в комбинезонах серо-ржавого цвета улыбчивый и курносый Толик Иванчин и лысоватый Косаренко. Последний пристроился на кочке и извлек из кармана мятые папиросы. Иванчин удрученно развел руками. И эти ничего не нашли! Кто бы сомневался!

Вновь раздался гул — самолет приближался, шел на снижение. Хитрая акустика дробила звуки, разбрасывала их налево и направо. Но вроде дело происходило на севере...

Рев внезапно оборвался — самолет провалился в глухую зону. Осталась лишь приглушенная канонада — артиллерия работала плотно на северо-востоке и на юго-востоке. Среди деревьев мелькали люди в ржавом камуфляжном облачении — вспотевшие, перепачканные.

У сержанта Мамаева висел на груди автомат ППШ. За ремень цеплялись ножны с устрашающим тесаком — «позаимствовал» у бойца германского спецподразделения. Парни шутили: «Наш сержант сам не свой, как в воду опущенный ходит, если перед завтраком не зарежет пару-другую фрицев!»

Сергея Лях поскользнулся и отбил пятую точку. Ветренко злобно зашипел, но помог товарищу подняться.

— Товарищ лейтенант, ну и дела! Мы, кажется, нашли объект! — Мамаев от волнения глотал слова. — Вы оказались правы, надо было всего

лишь расширить зону поиска. Мы в овраг спустились и чесанули по пади. Слышим грохот совсем рядом, даже испугались! И никакой чертовщины, просто аэродром расположен грамотно — в низине, а вокруг него холмы и скалы. Только охраны много, далеко не прошли. Гоша Ветренко собак испугался, ну мы и не стали настаивать.

Мамаев оскалится и мазнул взглядом упомянутого бойца. Тот был спокоен, как буддийский монах, только покачал головой. Хотел еще постучать пальцем по виску, но передумал — сержант ведь какой-никакой.

— Так, пошли, — заторопился Шубин. — Веди, Сусанин, да только правильно веди! Паньков, Ветренко, Саидов — остаетесь здесь, охраняете рацию, наш самый ценный груз!

Мурашки ползли по коже. Разведчики рассредоточились вокруг скалы, возвышающейся над долиной. Шубин припал к окулярам бинокля. Вот они и выявили важный объект, который находился у них прямо под носом!

До войны это был незаконченный военный аэродром, и его строительство не афишировали. В ближайшем населенном пункте — поселке Плавники — базировались спецтехника и строительный контингент. Аэродром расположили с умом — взлетно-посадочная полоса располагается в долине, над которой возвышаются лесистые холмы, выполняющие роль глушителя. Самолеты

взлетали и сразу же растворялись в кучевых облаках. Эта местность с октября 41-го контролировалась захватчиками. Немцы хозяйничали здесь, как у себя дома, вот уже полгода. К строительству привлекли военнопленных и закончили в сжатые сроки. Помимо основной бетонной полосы, имелась запасная — щебеночно-грунтовая, почти не раскисающая в межсезонье. Вдоль поля выстроились склады и ангары.

Раздался пронзительный рев — снижался самолет. Он вынырнул из-под облаков и стал стремительно терять высоту. Шасси коснулось бетона, машина вздрогнула, проехала метров двести и встала. Со стороны строений побежали люди в комбинезонах — обслуживающий персонал.

Прибыл одноместный двухмоторный штурмовик «Хенкель-129» — одна из последних разработок германской промышленности. Изделие маневренное, опасное, его прозвали «консервным ножом». Эти самолеты только недавно начали поступать в серийное производство, но их уже не любили.

Машина разворачивалась, покачивая крыльями, медленно уходила с полосы. Снова рев — из ниоткуда вынырнул второй штурмовик, плюхнулся на полосу, сбросил скорость. Аэродром работал в штатном режиме. Самолеты взлетали с полной боевой загрузкой, атаковали окруженные советские войска и возвращались на базу. Эти налеты доставляли серьезные хлопоты окопавшимся

в лесах подразделениям 113-й дивизии полковника Миронова. Они нападали на колонны, как своры голодных собак, носились за одиночными целями и очень любили преследовать санитарные машины, набитые ранеными.

Снова резануло уши — два штурмовика с минимальным интервалом взлетели и растворились в небе. Задачу можно было считать выполненной, оставалось отправить в эфир координаты объекта. Но Шубин продолжал наблюдение. Аэродром был неприступен — по периметру колючая проволока, охрана с собаками и две вышки. Внешние посты могли располагаться где угодно, даже здесь, в этих скалах.

— Что делать будем, товарищ лейтенант? — подполз к Шубину Мамаев. — Эта штука работает, как часы, принимает даже бомбардировщики. Пока наши ее нащупают, пройдет уйма времени. Может, подкроемся, перебьем охрану и забросаем полосу гранатами? Какой-нибудь вред да нанесем...

— Отставить, сержант, — поморщился Глеб. — Умирать приказа не было. Не нужны вы мне мертвые. От мертвого солдата толку — ноль.

— Да, это так... — грустно признал сержант. — Нас, живых, с каждым днем все меньше. Оконфузились мы с этим прорывом к Вязме... — И он замолчал, гадая, где кончается досада и начинается крамола.

На аэродроме базировалась штурмовая эскадрилья. Глеб считал прибывающие и взлетающие самолеты, зачем-то подсчитывал охранников. В задачу входило только выявить аэродром и предоставить его координаты, с остальным должна была разобраться дальняя армейская артиллерия (или то, что от нее осталось). Но любопытство никто не отменял...

Настя грызла травинку и в упор не замечала лейтенанта, в которого была по уши влюблена. Любость на войне — хуже некуда. Здесь долго не живут, и хорошо, если оба погибнут в один день. Сколько было предчувствий, тоска брала за горло — но нет, они все еще живы. А такими поблажками от Господа могли похвастаться немногие.

В разведзвезде из тридцати человек осталось двадцать — дюжину Шубин взял с собой, остальные дожидались в части. Парни подобрались толковые, но их, увы, брали пули. Гибли каждый день, к потерям относились философски, черствели, переживали в глубине души, наружу эмоции не выставляли. Из прежнего состава взвода, помимо Шубина и Насти, уцелели трое.

Дмитрий Краев погиб неделю назад. Бойцы лежали в окопе под обстрелом, шутили, строили планы на будущее. А потом, когда обстрел усилился, решили переместиться в блиндаж. Но Краев остался. Сразу и не поняли, что с ним, —

лежал в естественной позе, словно на минутку прилег. Товарища помянули в тот же вечер. Косаренко был невозмутим, а Толик Иванчин пустил скупую слезу и пробормотал, что скоро они все там встретятся...

Лица менялись, как в калейдоскопе. При отборе Шубин предпочитал спортсменов, ладящих с головой. Петр Мамаев до войны занимался боксом, имеет первый юношеский разряд в полутяжелом весе, неоднократный призер областных соревнований. Приземистый Тимофей Бугров — тяжелая атлетика, ворочает штангу и гири и при этом не страдает неповоротливостью. Харьковчанин Гоша Ветренко занимался метанием копья и тоже добился многого. О своей спортивной карьере вспоминает с печалью — всегда мечтал выступить на Олимпийских играх, поразить своими достижениями не только советских, но и буржуазских граждан...

Глеб с усилием оторвался от бинокля и сполз в ложбину за косогором. По цепочке пошла команда возвращаться в лес, да не шуметь и смотреть по сторонам.

На базу в овраге вернулись минут через двадцать. «Хранители» радиостанции уже заждались.

— Где вас носит? — шипел Ветренко — стройный русоволосый парень. — Все ждалки прождали, а вас все нет!

Жилистый Ленька Пастухов забрался на дерево, ему бросили спиральную антенну. С третьей попытки паренек ее поймал.

— Вот там и сиди, студент, не шевелись, — ухмыльнулся Лева Глинский — боец тридцати лет, с вытянутым лицом и водянистыми глазами.

До войны он окончил радиотехникум в Куйбышеве и уверял, что разбирается в радиоделе. Глинский развернул рацию и надел наушники, при этом поглядывая на небо — под вечер набежали тучи, в любую минуту мог разразиться дождь. Позывные ушли в эфир.

Шубин бегло наговаривал текст: «Объект расположен в двух километрах к западу от поселка Плавники, к нему проложена грунтовая дорога. Бывший заброшенный объект наркомата обороны СССР, ныне перестроенный и функционирующий». Следом пошли координаты объекта: градусы, минуты, секунды — с их определением проблем не возникало. «Объект немаленький, растянут по долине, снарядов лучше не жалеть».

— А что, товарищ лейтенант, в армии остались снаряды? — горестно вздохнул Никита Костромин — сметливый паренек, бывший слесарь-наладчик Горьковского автомобильного завода.

Основания для сомнений имелись — боеприпасы в гибнущей 33-й армии заканчивались катастрофически. Еще неделя-другая, и артиллерия перестанет существовать. В арtpолку, входящем

в состав 113-й дивизии, остались четыре орудия 122-го калибра и ни одного снаряда. Артполк воевал, как пехота, артиллеристов этому не обучали, и картина выглядела удручающе: огромные потери, тонущие в болотах роты, брошенные из-за отсутствия топлива грузовики и тягачи...

— Не волнуйся за нашу артиллерию, Никита, — бросил Шубин. — Появится нужда — все найдут. Есть еще резерв у командарма.

Из полка пришла ответная радиограмма: «Ваш сигнал получен, возвращайтесь. Поздравляем с выполнением задания».

Проклятый аэродром стоял, как кость в горле. Именно с него взлетают штурмовики, доставляющие массу хлопот. Но теперь Шубин расслабился. Дело сделано, осталось дойти до дома. Почему бы в качестве разнообразия не обойтись без потерь?..

Прошли не больше версты. Из-за березы возник худосочный, но жилистый Серега Лях — парень с головой, прибывший из сибирской глубинки — и прижал палец к губам. Бойцы встали. Никита Костромин застыл с поднятой ногой, подумал и медленно ее опустил. Серега отчаянно сигнализировал, бил по плечу сомкнутыми средним и указательным пальцами. Соображали неважно, но в итоге поняли. Потом различили шум. За деревьями пролегалла дорога. Двигатель легкового автомобиля заводился, потом глох

и сменялся руганью. Немецкая брань звучит беззубо, в отличие от непобедимого русского мата!

Сергея Лях отступил обратно за березу и присел. Глеб подал знак: «Всем лечь!» Ткнул пальцем в Ветренко и Пастухова: «Вы двое, за мной! И на цыпочках, чтобы тишина была, как в библиотеке!» Все трое, присев на корточки, продолжили движение, а когда за деревьями замаячил просвет, опустились на землю и поползли.

Представшая картина заставляла задуматься. Проселочная дорога петляла в глуши осинника. На ней стоял «Хорх» с опущенным верхом. Машина из бывалых — трещины на лобовом стекле, правое крыло помято. Крышка капота была задрана, в моторе копошился молодой фельдфебель. Он что-то подкручивал, потом бежал за руль, заводил машину. Двигатель работал и глох. Рядом нетерпеливо приплясывал майор люфтваффе с породистой физиономией. Он шипел на водителя, раздражался бранью, вскидывал руку с позолоченными часами. Мужчина нервничал, пальцы правой руки поглаживали застёжку кобуры, взгляд настороженно скользил по кустам. Опасения были не напрасны. Шубин удивился: «Что вы здесь забыли, герр майор? Заблудились?» Охраны при офицере не было, не считая фельдфебеля, за спиной которого висел автомат.

«Язык» не требовался, задание у группы было другое, но разве может советский разведчик спокойно пройти мимо ТАКОГО? Пастухов возбужденно засопел, словно перед ним стоял не офицер, а неземной красоты девица. Инстинкт сработал, Шубин напрягся.

Двигатель внезапно заработал ровно, без перебоев. Фельдфебель расцвел, выбрался из машины, чтобы закрыть капот. Майор люфтваффе прекратил ругаться и недоверчиво моргнул. Фельдфебель бросил: «Прошу в салон, герр майор! Я же говорил, что все сделаю!» Время на раздумья истекло. Не бывает лишних «языков», каждый по-своему хорош и нужен. Сигнал уловили, бросились все разом.

Майор оторопел, когда из кустарника выскочили три чумазных черта. Офицер был ближе, Глеб летел на него, серая от страха физиономия мелькала перед глазами. Пальцы рвали застежку кобуры — офицер забыл, что она уже расстегнута. Испуганный крик застрял в горле. Глеб ударил корпусом, майор отлетел в дальний кювет и отбил бок. Шубин прыгнул на него, рухнул на колени и двинул ему в челюсть.

У других бойцов, к сожалению, не все шло гладко. Пастухов споткнулся, когда до фельдфебеля оставалось всего несколько метров, ноги перепутались, и он с негодующим воплем покатился по примятому чертополоху. Фельдфебель скинул

со спины автомат. Водитель оказался не рохлей — он побелел от страха, но руки у него работали. Солдат передернул затвор, вскинул автомат. Что-то просвистело. Ветренко чуть не вывихнул руку, метая подвернувшуюся жердину. Он мог бы выстрелить, но шуметь не хотелось. Занятия легкой атлетикой не прошли даром — жердина просвистела, как копье, и сбила фельдфебеля с ног. Удар в грудную клетку вышел мощным. Ветренко хмыкнул и осторожно подошел к своей жертве.

Шубин за шиворот вытащил майора из канавы. Тот еще не пришел в себя, фыркал, как конь. На щеголеватой шинели порвались пуговицы, фуражка укатилась. Глеб вытолкнул его на середину проезжей части и избавил его кобуру от «вальтера». Майор, шатаясь, упал на колени.

— Ветренко, да ты и впрямь метатель! — оценил Шубин.

— Само получилось, товарищ лейтенант, — пожал плечами боец. — Эта штука просто под ногами валялась...

Бросок оказался смертельным: толстый конец жердины разбил грудную клетку, обломки ребер пронзили жизненно важные органы, открылось внутреннее кровотечение. Фельдфебель загибался, глаза вращались по кругу. Агония была недолгой, вскоре он вздрогнул и успокоился.

Ленька Пастухов застонал, перевернулся на спину и часто заморгал.

— Живой, недотепа? — склонился над ним Ветренко.

— Ага, вроде бы... — Леонид облизал сухие губы. — Тряхнуло душевно, а так ничего... Голова в норме... Травка блестит...

— И солнышко зеленеет, — засмеялся Ветренко. — Ладно, давай руку.

— Сам ты недотепа, — проворчал Пастухов, но от помощи товарища не отказался. — Не повезло мне просто, а вы и рады!

— С таким «невезением» можешь однажды всю группу подвести, — проворчал Глеб и повернулся к лесу. — Эй, зрители, особого приглашения ждете? Выходите, благодарите артистов за выступление!

— Нам понравилось, товарищ лейтенант! — Из-за дерева высунулась довольная физиономия Мамаева. — Приятно посмотреть! Опять же, была интрига — конфуз с Ленькой!

Пошучивая, разведчики выбирались из леса. Не шутил лишь длинноногий Саид Саидов, уроженец солнечной Узбекской ССР. Во-первых, у него имелись другие необходимые разведчику качества. А во-вторых, он тащил на закорках 12-килограммовую рацию.

— Смотрите, какого орла повязал наш командир, — поцокал языком Тимофей Бугров. — Прямо глыбища, а не «язык»! Можно я ему в челюсть дам, товарищ лейтенант? — Тимофей сжал пудовый кулак.

— Отставить! — встрепенулся Шубин. — Во-первых, я ему уже дал. А во-вторых, после твоего удара он вообще без головы останется. За что тогда страдал красноармеец Пастухов?

Разведчики смеялись, Ленька злился — ведь с каждым такое может случиться!

Пленный майор приподнял голову. Он весь скукожился, глаза потухли, из разбитой губы сочилась кровь. Рефлексы работали — он поднял руку, чтобы посмотреть на часы. Но красивый позолоченный хронометр сломался при падении, циферблат треснул. Майор потрясенно смотрел на застывшие стрелки.

— Сочувствую, герр майор, — вздохнул Глеб, переходя на язык Карла Маркса и Фридриха Энгельса. — Но уверяю вас, это не самая серьезная ваша проблема. Для начала вам придется побегать — вспомнить, так сказать, босоное детство. — Он не заметил, как заговорил по-русски. — Или какое там у вас было детство в фатерлянде... Эй, мужики, хорош ржать, все за дело!

Двигатель еще работал.

— Эх, прокачу! — пробормотал Толик Иванчин, прыгая за руль. — Товарищи, кто со мной? Но безмятежной езды не обещаю!

«Хорх», сотрясаясь бортами, перевалил через кювет и запрыгал по кочкам. Пробившись сквозь кустарник, он сверзился в канаву. Иванчин ударился грудью о руль, но выбрался довольный, по-

тирая отбитое место. Мертвого фельдфебеля выбросили туда же — некогда оказывать воинские почести.

— На восток! — командовал Глеб. — Мамаев, Бугров, гоните пленного! Только не бейте, он нам нужен в добром здравии.

Выбор этой парочки был неслучаен. Над душой майора теперь висели два звероподобных существа с металлическими кулаками, и он исправно шевелил ногами, переступая через препятствия. «Шире шаг, немчура!» — командовал тяжелоатлет Бугров, и полковник все понимал, втягивал голову в плечи и ускорялся.

Сумерки подступили вплотную, поползли по земле. Майор провалился в канаву и забуксовал в грязном снегу. Его схватили под мышки и вынесли на ровное место. Шубин объявил привал.

Возник насущный вопрос: успеет ли группа до темноты вернуться в расположение? Пороть горячку не стоило. Зарыться в лапник где-нибудь в ельнике — ночи уже не холодные — и просто дожить до рассвета. Спешить, в сущности, некуда. Но до полной темноты еще предстояло побегать.

— Не успеем, товарищ лейтенант, — кряхтел Бугров, перетаскивая пленника через канаву. — Как пить дать не успеем! Но ничего, нам лес — дом родной. Этого кренделя могу оглушить — до

утра не очнется. Тот же сон, только качество похуже. — И любитель поупражняться с гириями хищно ослабился.

— Посмотрим, боец, не будем загадывать.

Короткий привал сделали на поляне, окруженной кустами шиповника. Настя перевела дыхание, достала из недр комбинезона чистый платок, утерла лоб.

— Куда вы смотрите, герр майор? — насторожился Глеб. — Вы правильно поняли, это женщина. Привлекательная, правда? Но не советую к ней совершать подкаты — рискуете получить прикладом.

— Надо же, вы говорите по-немецки. — Немец презрительно скривил губы.

— Да, доводилось общаться с вашим братом. Вы не первый, герр майор... Советская разведка, лейтенант Шубин. Напомню, что следует вести себя благоразумно, не качать права, не пытаться бежать, а по прибытии в нашу часть честно отвечать на все вопросы. Жизнь изменилась, герр майор, и в ваших интересах под нее подстроиться.

Он обшарил карманы пленного и извлек документы, перочинный нож и батистовый платок, который, поколебавшись, предложил Насте. Но та презрительно фыркнула и отвернулась.

— Итак, вы майор Герман Карлсдорф, командир звена 185-й штурмовой эскадрильи 24-й авиационной дивизии...

— Точно. И теперь вы понимаете, лейтенант, что человеку моего уровня недоступны военные секреты и планы командования. — Карлсдорф презрительно усмехался, но в глазах поблескивал тоскливый огонек. — Не знаю, стоит ли вам гнать меня в свою часть — мне нечего рассказать, кроме того, что вы уже сами знаете. Еще несколько дней, и ваша 33-я армия окажется в глухом котле. Ей останется только сдаться. И не важно, станут ли вам известны некие военные тайны. Город Вязьма несчастливый для вас, не так ли? Уже второй раз ваши войска попадают здесь в окружение...

— Не напрашивайтесь, я не хочу вас бить. Зачем настаивать на том, что еще не произошло? Допрашивать вас я не собираюсь, для этого в Красной Армии существуют специальные органы. Хочу лишь предупредить, чтобы вы вели себя правильно. Один вопрос, герр Карлсдорф: какого черта вы оказались без охраны в этой дыре?

— Я всего лишь летчик, не штабист, о какой охране вы говорите? — поморщился майор. — Я получил два дня выходных по случаю легкой контузии. У поврежденного самолета взорвался бензобак, а я по нелепой случайности стоял неподалеку. Больше никто не пострадал. Сейчас я в норме, возвращался в Плавники из Губино, где и проводил свой краткосрочный отпуск. Там налажен офицерский быт, есть развлекательное

заведение и даже бар, где работают ваши повара, прошедшие обучение. За мной прислали машину. Но когда мы возвращались, то обнаружили, что подмыло дорогу в районе моста, образовался провал. Это случилось всего за какой-то час. На карте есть объездная дорога, Вильгельм уверял, что уже ездил по ней. Район теоретически опасный, но кто не рискует...

— ...тот не пьет шампанское, — кивнул Глеб. — Ну что ж, сочувствую, герр Карлсдорф. Сегодня не ваш день. Район действительно так себе. Надеюсь, вы хорошо отдохнули в Губино?

— Не надо надо мной издеваться! — вспыхнул майор. — Вы с таким же успехом могли оказаться на моем месте!.. Послушайте, лейтенант... — Майор сделал над собой усилие и со скрипом заговорил дальше: — Я не собираюсь ничего скрывать, готов сотрудничать с советскими властями и рассчитываю на достойные условия содержания в плену. Я не участвовал в военных преступлениях, не люблю СС, недолюбливаю Адольфа Гитлера и проводимую им политику. У меня больная астмой жена и четверо маленьких детей, мы вот уже несколько лет жертвуем немалые суммы детскому приюту на Рубинштрассе...

— Святой вы человек, герр Карлсдорф, — уважительно заметил Глеб. — Не знаю только, оценят ли вашу святость жители мирных советских городов, которые вы бомбили, и раненые военнотру-

жащие, которых вы расстреливали. Это вам доставило удовольствие, не так ли?.. Вы покраснели, герр Карлсдорф, — это возмущение или стыд?.. А, я понял. Так поступают другие, а вы лишь выполняете свой воинский долг... Ладно, к чему эти разговоры, майор? Скажите спасибо, что ваши речи понимаю только я, не то мои люди уже порвали бы вас.

Пленный надрывно закашлялся.

Внезапно в стороне начался сильный артобстрел. Взрывы раздавались в нескольких километрах к западу. Работала тяжелая дальнобойная артиллерия. Вздрагивала земля. Разведчики застыли, вытянули шеи. Обстрел продолжался несколько минут. Артиллерия работала по площадям, обрабатывая заданный участок территории. Потом все стихло — так же резко, как и началось. Люди одобрительно посмеивались, негромко разговаривали. Шубин облегченно выдохнул — свершилось. Пленный майор забеспокоился, его глаза тревожно поблескивали в полумраке.

— Еще одна неприятная для вас новость, герр Карлсдорф, — не без удовольствия начал Глеб. — Советская артиллерия разбомбила ваш аэродром вблизи Плавников. К сожалению, вы не сможете воочию в этом убедиться, вам остается только поверить. Может, к лучшему, что вы не доехали?

По крайней мере, вы живы. И это состояние будет прямо пропорционально вашему желанию сотрудничать с советскими властями.

Немец подавленно молчал.

— Мы требуем продолжения симфонии! — засмеялся Ленька Пастухов. — Наслаждение для ушей! Все кончено, товарищ лейтенант, аэродрома больше нет?

— Надеюсь, что так. — Шубин крикнул и бодро поднялся. — Все, товарищи, посидели — пора и в путь. Немцы не в восторге от случившегося и будут прочесывать окрестности. Уйдем до темноты как можно дальше.

Но далеко они не смогли уйти. Пока в серых тонах еще сохранялась видимость, они спешили выйти из леса, чтобы переправиться в соседний массив и там заночевать. Но на открытом участке группу обстреляли. Кто стрелял, неизвестно, но огонь вели фронтальный, в лоб. Возможно, мотоциклетный дозор, получивший приказ не выпускать из леса «грибников». Надрывно тарыхтел пулемет. Разведчики дружно попадали в траву. Шубин замешкался, Настя подлетела, ударом ноги сбила его с ног и упала сверху, тяжело дыша — перепугалась за командира.

— Спасибо, милая...

Он рывком сменил позу, отполз. Разведчики корчились в траве, вспоминая уместные слова.

Противник продолжал стрелять, в полумраке разражались вспышки. Завелся мотоциклетный мотор — значит, правильно подумали. Но не пойдут же они в атаку!

— Отползаем в лес! — закричал Шубин. — Не вставать!.. Все целы?

— Вроде все, товарищ лейтенант, — прокричал Бугров. — Они ведь тоже ни хрена не видят.

— У кого немец?

— У нас, товарищ лейтенант, мать его так! — ругался Мамаев. — Сбежать пытался, за ногу его поймали!

Люди пятились, как раки, и огрызались короткими очередями. На другом краю открытого пространства что-то происходило. В мутном воздухе бегали люди. Вспыхнула фара. По ней и открыли огонь — дружно, напористо. Немцы поздно осознали свою ошибку. Фара разбилась, свет погас. Солдаты бранились, стонал подстреленный военный. Бойцы по очереди перекатывались в лес. Мамаев тащил «языка», одаривая его затрещинами. Немцы не рискнули идти на штурм по причине своей малочисленности, но боеприпасы изводили увлеченно. Разведчики вкатились в лес, продолжая отстреливаться.

Теперь Настя замешкалась — дышала, будто кросс промчала. Екнуло сердце — постоянно приходится за нее переживать! Но все в порядке, она не ранена. Глеб схватил ее за шиворот и потащил

в гущу растительности. Настя отбивалась, требовала позволить ей идти самостоятельно.

Потерь не случилось. В лесу под треск автоматных очередей провели переключку.

— Вы должны сдать! — сдавленно хрипел майор Карлсдорф. — Поймите, у вас нет шансов отсюда выбраться! Германское командование великодушно предоставляет вам последний шанс! У вас будут достойные условия содержания в плену!

Дальше майор перешел на фальцет, бессвязно запищал — сильные пальцы сержанта Мамаева сжали ему горло.

— Братцы, почему я должен сам разбираться с этим оленем?! — возмутился Мамаев. — Вы вконец обнаглели! Бугров, Паньков — ко мне! Теперь это ваш пациент. Смотрите, чтобы он не ушел!

Группа в полном составе отступила в лес. Темнота пожирала последние капли света. За стеной деревьев трещали моторы — два мотоцикла кругами носились по полю. Немцы боялись подъезжать к опушке и обрабатывали ее свинцом.

— Нашли развлечение, твари, — процедил сквозь зубы припавший к березе Лева Глинский.

Шубин лаконично командовал:

— Отступаем дальше, направление — на юг, вдоль опушки! Да пошевеливайтесь, товарищи красноармейцы, скоро вся германская армия соберется в этом квадрате!

Опасения имели массу оснований. Люди в спешке рвались сквозь осинник. Острые ветки царапали кожу. Несколько раз замирали, прислушивались. Огонь прекратился. Сквозь порывы ветра доносился гул моторов. «Неважны наши дела, — чертыхался Шубин, неустанно озираясь на девушку. — Такая огромная страна, а спрятаться нигде».

Метров через семьсот он дал приказ остановиться. Тьма еще не улеглась, силуэты колыхались в мутном воздухе. Глеб вышел к опушке, присел за раздвоенной осиной. До соседнего леса было метров пятьсот — не такая уж критическая даль. Местность неоднородная — канавы и бугры. Посторонние пейзаж не нарушали. Возможно, немцы решили, что русские ушли обратно в лес или отправились на север — в любом случае, у них нет сил контролировать весь квадрат. Но скоро прибьет подкрепление, в этом сомнений не было. Дорогу на восток закроют. И хорошо, если только эту дорогу.

На короточках подобрался сержант Мамаев, пристроился рядом.

— Вроде нет никого, товарищ лейтенант. Рванем по-быстрому до того леса?

— Рванем. Понесемся, как метеоры. Одна нога здесь, другая там. Даю четыре минуты на преодоление пространства. Командуй, сержант. Всем рассыпаться, движемся шеренгой!

Добежали почти удачно. Дважды кто-то падал, разражался бранью, но обошлось без серьезных травм. Небольшое удивление вызвала проселочная дорога. Через нее бойцы перелетели без остановки.

Грузовик, набитый пехотой, внезапно выскочил из-за леска, когда до опушки оставалось метров тридцать. Фары ударили в бегущих людей. Шубин закричал, чтобы никто не останавливался, чтобы все бежали в лес. Настя споткнулась, он подхватил ее за шиворот. Давился хрипом майор люфтваффе, Тимофей Бугров колотил его по мягким частям тела и рычал: «Вперед, долбаное грузило!» Солдаты в кузове устроили переполох, старший надрывался. Захлопали выстрелы. Стонал и кашлял Шура Паньков, на которого перегрузили рацию. Солдат было больше, чем разведчиков, — полный кузов, десятка два. Опомниться не успели, как грузовик оказался сзади, завизжали тормоза, машина пошла юзом. Пятился Саидов, прикрывая отход, строчил без передышки. Лес, как назло, оказался разреженный, голый. Тимофей Бугров швырнул в кустарник майора и прыгнул следом. Остальные вбежали рваной шеренгой. Огонь усилился. Откинулся борт, солдаты посыпались на землю и разбежались. Беглецы уже были в лесу, рассредоточились по волнистой местности. Убегать — несерьезно, лес простреливался. Пули выли, обламывая ветки

и кору. Кто-то ахнул и грузно упал — зачем поднялся, мать его?! Но вроде шевелится, отползает. Назревала атака — солдаты рассыпались по полю, двигались короткими перебежками. Рядом ожесточенно стреляла Настя, выкрикивая слова, за которые неплохо было бы получить по губам. Боеприпасы кончались.

— Чем ответим, товарищ лейтенант? — выкрикнул Косаренко. — У меня уже пусто!

— Троекратным «ура»? — предложил Пастухов и нервно засмеялся.

Со стороны опушки прогремел нестройный залп. Поднялась шеренга, пробежала несколько шагов и снова залегла. Немцы действовали невозмутимо, по своей науке. Следовало отдать им должное, в бою они вели себя грамотно. Кто-то бросил гранату — взрыв выдрал голый куст, никто не пострадал. Надсадно кашлял Глинский, вдохнув пороховую гарь.

— Товарищ лейтенант, здесь лощина! — прокричал в затылок Серега Лях. — Можно укрыться!

Шубин снова орал, срывая голос:

— Отходим! Головы не поднимать, гранаты к бою!

Гранат у разведчиков было немного, но невыгодную позицию следовало в корне менять. Четверо прикрывали отход, остальные откатывались. Немцы уже вошли в лес и теперь прятались за деревьями. Еще одна граната сработала прямо

перед носом. Шубин отталкивал от себя Настю — опять она рвется в бой, глупая! Вдвоем они скастились в лощину. Сверху падали другие. Шубин отчаянно работал локтями, лез на косогор. Он не видел, кто оказался слева, но у парней еще оставались патроны, и поднявшимся немцам дали отпор. Падали убитые, кто-то картинно повалился на колени и треснулся лбом о землю, словно желая помолиться перед дальней дорогой на тот свет. Остальные искали укрытие. Шубин тоже стрелял — экономил патроны, сдувал жирный пот, сочащийся со лба, но одному прострелил ногу, и он валялся на спине, дрыгая здоровой конечностью, а другому попал то ли в грудь, то ли в плечо, и раненый теперь корчился за деревом. Рядом тоже кто-то стрелял — кажется, Иванчин, — но у него закончились патроны. Боец отложил автомат и застыл, как волк перед броском. Только этого не хватало! Глеб схватил его за шиворот и сбросил вниз. Боец скатился, протяжно воя. У смельчаков на левом фланге кончились патроны, они сползали в лощину. Это были Ветренко и Костромин. Дыхание смерти опалило виски, немели плечи. Шубин выкрикивал команды, но выходила какая-то какофония. Из травы вырастали фигуры, переходили на бег. Двое вырвались вперед, один метнул гранату, оба присели. Боеприпас не докатился до ложбины, взорвался раньше. Лейтенанта там уже не было — он успел сползти по склону. Другие

последовали его примеру. Взрывом разметало косогор. Разведчики рассыпались по пади — лезть на обратный склон было глупо. Хрустели ветки — немцы шли к ложине. Патовая ситуация — некогда проводить перегруппировку. Противника встречали последними патронами. Глеб расставил ноги, прикрывая Настю, и перебросил через вспаханный косогор последнюю гранату. Толик Иванчин будто опомнился, сделал то же самое.

— Сейчас получают у меня, шайтаны! — взбежился Саидов и тоже выхватил гранату, метнулся на склон и перебросил ее, будто мяч в баскетбольную сетку. Блеснул ребристый корпус лимонки мощного действия.

Гранаты взрывались в гуще подбегавших солдат. Еще хлопок — очевидно, немец приготовил «колотушку» для броска, да не успел, — и боеприпас сработал под ногами. Никто не видел, что происходит, но урон был немалый. Выжившие по инерции бежали и ныряли в овраг.

На Шубина летел детина с вытаращенными глазами. Он мог накрыть разведчика, как бык овцу! Глеб повалился на колени и прижался к откосу. Фашист перелетел через него, ударив сапогом по ключице, сделал впечатляющий кульбит. От падения солдат лишился чувств, а когда пришел в себя, на нем уже сидела Настя Томилина и яростно била его ножом в грудь. Шубин растерялся. Немец изогнулся, но Настя вцепилась

в него, как наездница в мустанга. Жертва хрипела, но уже не сопротивлялась.

В ложбину катились солдаты, атакующих встречали штыковыми лопатками и прикладами. Началась потасовка. Лейтенант выхватил нож. Сверху катился еще один претендент на взбучку — молодой, поджарый. Он ухитрился найти опору, прыгнул и сбил лейтенанта с ног. Боль не ощущалась, но до смерти было рукой подать. Немец давил массой, плевался, пальцы тянулись к горлу. Рука с ножом оказалась вывернута. Но Глеб не выпускал рукоятку, сжимал ее скрюченными пальцами. Противник дотянулся до шеи, сдавил ее сильными пальцами. Прийти на помощь оказалось некому — Настя еще не разобралась с громилкой, остальные тоже были заняты. Мир тускнел, кислород поступал в организм малыми дозами. Враг сладострастно дышал, кряхтел от усердия. Он придавил своим животом руку с ножом. Шубин напрягся, правая конечность работала на изгиб, медленно выворачивал лезвие, преодолевая сопротивление массы тела. Кухонный нож давно бы сломался, но эта сталь была первосортная. Между лезвием и вражеским брюхом угол все рос. Немец ничего не чувствовал, он делал свою работу. Кислород в легкие практически не попадал. Но вот фашист занервничал, заерзал. Давление на горло уменьшилось, появилась возможность вздохнуть. Острые уже не щекотало, а входило в тело мед-

ленно, пока что под углом. Немец испытывал дискомфорт, его дыхание срывалось. Рука чуть не хрустнула в запястье, но лезвие, наконец, встало вертикально и по рукоятку вошло в тело. Немец задрожал, дыхание стало сиплым. Глеб с усилием провернул рукоятку, разрывая внутренние ткани. Противник затрясся, руки разжались. Глеб скинул его с себя и выдернул нож. И вовремя — изо рта умирающего хлынула кровавая пена.

Жирные круги плясали перед глазами. Рукопашная была в разгаре, бились насмерть. Корчились умирающие. Стонала обессиленная Настя, прикорнула к своему громиле, который не подавал признаков жизни. Бились молча, не устраивая истеричных сцен. Хрипел, схватившись за живот, ефрейтор, полз куда-то на коленях, орошая землю кровью, пока не уткнулся каской в бугор. Оскалился другой, выдергивая нож из кровотокащего тела. Он мотнул взъерошенной головой, уловив движение. Шубин набросился на него сзади, схватил за шею, повалил на себя и ударил ножом в горло. Отпихнув агонизирующее тело, он бросился на следующего — тот уже практически расправился с Ленькой Пастуховым, у парня тоскиво блестели глаза. И этот отвалился, получив «перо» в бок.

— Пацаны, добьем супостата! — взревел страшный, как черт, Серега Лях. — Амба, мы уже победили!

Доля истины в его словах была. После обработки гранатами противник потерял численное превосходство, а в ближнем бою был несилен. Взрехали луженые глотки. Лева Глинский подобрал пустой автомат, схватил его за ствол и принялся работать им, как кувалдой. Растрепанный обер-гренадер получил по голове и разлегся на склоне. Подбежал Ветренко, ударил по виску сапогом. Финал приближался. Немцы дрогнули, полезли обратно на склон. Их осталось четверо, все порезанные, дезориентированные. Последнему под ноги бросился Никита Костромин. Немец с воплем заскользил обратно. Его встретили с распростертыми объятиями — набросились, как коршуны на падаль, стали забивать. Солдат орал, вспоминал какого-то бога. И остальные далеко не ушли. Иванчин схватил брошенный кем-то МР-40 и ударил длинной очередью. Магазин иссяк, но добавка не требовалась. Пули достали всю троицу — двое погибли сразу, третий захлебнулся кровью и рвотой.

Ноги не держали, Шубин опустился на колени. Настя выжила — сидела, вытянув ноги, и очумело вращала глазами, словно скатилась с горы без лыж и санок.

Внимание привлек майор Карлсдорф. Еще чуть-чуть, и он бы не привлек ничьего внимания! Пленник полз по дальнему склону, воровато кося глазами, затем поднялся и засеменял прочь. Когда

Шубин догнал его, тот уже карабкался на следующий склон и что-то хрипел в отчаянии. Так не хотелось за ним лезть! Глеб поднял с земли узловатую корягу и швырнул ее майору в спину. Немец не удержался, нога заскользила. Шубин поморщился — в ноге пленника что-то хрустнуло. Он зарылся носом в бугорок нерастаявшего снега и начал задыхаться.

— Вот зачем, герр Карлсдорф? — бормотал Глеб, поднимая его за шиворот. — Вы сами виноваты! Лежали бы смиренно, и ничего бы не случилось.

Офицер люфтваффе сделал попытку подняться и ахнул, нога подломилась. Глеб протащил его за шиворот и бросил среди мертвых и умирающих.

Победа оказалась пиррова, радоваться совершенно не хотелось. Шубин сидел на склоне и жадно курил. Зыбкие тени блуждали в темноте. Фонари освещали поле боя. Настя сидела на коленях, утирая слезы. За жизнь двух десятков немцев отдали пятерых своих. Вроде неплохая математика, но все равно тошно.

Тела ребят вытащили из общей кучи и уложили в ряд. Погиб Косаренко, потрясенный Толик Иванчин сидел рядом с ним и всматривался в мертвое лицо. Погибли оба «богатыря» — сержант Мамаев и Тимофей Бугров. Первый разбил голову при падении, второго в упор застрелил из

пистолета унтер-офицер. Участь последнего была незавидной, но это не утешало. Погиб Саид Саидов, не улыбочивый выходец из солнечного Узбекистана. Немец ударил его лопаткой по шее, разбил позвонок — Саид умирал мучительно и долго. Шуру Панькова сначала сочли живым — он какое-то время подавал признаки жизни, подрагивал. Но скоро все закончилось, сердце остановилось. Бойцы перестали приводить его в чувство и нервно закурили.

— Нужно уходить, товарищи, — сказал Шубин. — Накройте ребят чем-нибудь, нет времени хоронить. Немцы будут здесь очень скоро — слетятся на шум. Собрать оружие и боеприпасы, через минуту выступаем! Пойдем в темноте, деваться некуда. Не сможем идти — ляжем спать.

— Куда майора, товарищ лейтенант? — устало спросил Ветренко. — Он ногу сломал, а на себе мы его не дотащим...

Игнорировать проблему было невозможно. Пошатываясь, Глеб добрался до майора. Пленник кряхтел, ища приемлемую позу, и делал страдальческое лицо. Он не притворялся, перелом был болезненный.

— Почему вы так смотрите, лейтенант? — Майор омертвел от страшных предчувствий. — Вы в меня бросили корягу, вы сами виноваты...

— Не стоило сбегать, герр Карлсдорф. Вас предупреждали — вы не послушались.

— Подождите, я смогу идти! — заволновался майор и стал подниматься. Но снова охнул, когда оперся на большую конечность, и грузно завалился. Сооружать ему костыли или нести на себе смысла не было. Люди устали, а немцы висели на хвосте.

— Будем считать, что мне очень жаль, герр Карлсдорф. — В табельном ГТ оставалось несколько патронов. — Извините, что потревожили, как говорится. Отпустить вас не можем, вы должны понимать.

— Дьявол... — проскрипел зубами майор. — Подождите, лейтенант, не стреляйте, дайте подготовиться!

Лицо пленника побелело, он впился ногтями в землю, губы что-то шептали. Шубин терпеливо ждал, хотя мог этого не делать. Кем бы ни был этот паршивец, а последний миг — штука деликатная.

— Все, лейтенант. — Майор расслабился. — Стреляйте, только побыстрее...

Не поймешь этих сложных личностей — то им быстрее, то медленнее... Шубин выстрелил майору в висок, поднялся и побрел к своим. Выжившие сидели кучкой и мрачно смотрели на командира.

— Не берите в голову, товарищ лейтенант. Легко пришел — легко ушел, — проговорил Ленька Пастухов. — Сколько их еще будет — этих майоров и подполковников...

— Посидим еще — нисколько не будет. — Шубин убрал пистолет в кобуру. — Все готовы? Пошли, нечего рассиживаться!

ГЛАВА ВТОРАЯ

На рассвете группа Шубина обогнула немецкие посты и прошла безопасной тропкой через минное поле. Сон на свежем воздухе придал сил, люди ежились от холода.

— Нормально, братцы, скоро лето, — бормотал, стуча зубами, Пастухов. — Как-нибудь доживем, тогда отогреемся на солнышке.

Дозорных об их возможном появлении предупредили, препятствий им не чинили. Полк дислоцировался в лесистой местности на берегах двух рек (глубина обеих позволяла ходить вброд). Штаб располагался в деревушке Разбово, больше напоминающей хутор, а подразделения — в окрестных осинниках. Здесь были вырыты траншеи, построены землянки и блиндажи. Личный состав взвода обитал на узком пяточке вблизи околицы, поэтому всегда до левой кухни они добегали первыми. Деревушка не раз подвергалась авиационным ударам, сюда заходили штурмовики. Штабистам каждый раз удавалось добежать до леса. Красноармейцы и командиры вперемешку лежали в траншеях,

а когда опасность миновала, штабисты, тихо ругаясь, возвращались к месту службы.

Разведчики разбрелись по ходам сообщений. Товарищи встретили их, удрученно вздыхая.

Пятерых потеряли! А ведь могли никого не потерять!

Капитан Фокин — заместитель начальника штаба по разведке — выслушал доклад и покачал лысоватой головой.

— Сочувствую, лейтенант, жаль твоих людей. Но это война, куда денешься? Про майора, которого ты пристрелил, забудь — невелика потеря. Он летун, такие немногое знают. Считай, что он долетался. И в конце концов, не за «языком» вы ходили. Задание выполнено на отлично, аэродром мы расхреначили — ты, наверное, слышал. Теперь никаких налетов, красота! — Капитан осторожно посмотрел на небо и улыбнулся. — По крайней мере, с этого аэродрома больше не прилетали. Можем вздохнуть свободно... Но в остальном ситуация сложная, за время твоего отсутствия она не улучшилась... Западными лесами противник не пойдет — там дорог практически нет, — а вот с севера и юга в скором времени надавит... Но пока отдыхайте. До завтра точно ничего не произойдет.

Люди приходили в себя, чистили и зашивали маскировочное одеяние — рассчитывать, что выдадут новое, было смешно. В лесу выспались, но и сейчас от сна не отказались. На севере и юге

гремела канонада — немцы сжимали кольцо окружения. Но в расположении частей 113-й дивизии полковника Миронова пока было тихо.

Для Насти в свое время вырыли собственную землянку — крохотную, с настилом и топчаном. Над головой — накат из бревен. В качестве временного обиталища вполне сойдет. Все-таки женщина, нельзя ей жить вместе с мужиками. Красноармейцы в шутку ворчали, что строили для бабы и на то, что к ней мужик зачастит, не рассчитывали. У Шубина был собственный угол в блиндаже. Люди шушукались за спиной, завистливо вздыхали, но за рамки не лезли. Одни пошучивали: «В этой девице есть изюминка, никто не устоит. А лейтенант у нас молодой, привлекательный, наивный. А там даже не изюминка, там целая слива с косточкой!» Другие поглядывали на парочку с печалью: «Дело пропащее — крутить любовь на войне. Легкая интрижка — другое дело, убьют одного — от другого не будет». Но здесь без бинокля было видно, что боец Томилина сильно влюблена в Шубина. А их обоих убить могут в любой день, и весьма странно, что до сих пор не убили — ведь воюют с первого дня! Вслух об этом не говорили, но мысль витала в воздухе и лишала покоя.

Он залез к ней в землянку, когда сгустилась тьма. Хотя люди все знали, он все равно шел, как

вор, сгорая от стыда и озираясь. Настя втащила его в землянку и повисла у него на шее. Выпрямиться в полный рост было трудно — макушка билась о накат. Рассохшиеся нары заскрипели, и казалось, что скрипит весь лес и ржет вся дивизия!

— Тише, Глеб, тише... — шептала девушка, обвиваясь вокруг любимого мужчины.

Потом они лежали, занимая единственное спальное место, и лениво смотрели, как коптит снарядная гильза, а дым уходит в щель под толком. Гнали прочь дурные мысли, старались не вспоминать, что было вчера, позавчера. Лица погибших мелькали в сознании, отступали, присоединялись к бесконечной когорте умерших ранее. Им было хорошо в землянке, они строили планы на будущее, в котором не было места войне.

— Майор Гуньков опять ко мне подкатывал, — прошептала Настя. — Ты не представляешь, как он надоел. Все люди как люди, а этот настырный, так смотрит, глазками маслянистыми обволакивает — брр! Ведь знает, что я к тебе неровно дышу, ни на кого тебя не променяю, а продолжает лезть, намеки отпускает, предлагает спуститься к речке и уединиться на берегу, а за это освободить меня от выполнения служебных обязанностей и отправить в тыл, где я якобы буду как сыр в масле кататься.

Глеб поморщился. Майор Гуньков — помощник начальника штаба по строевой части, луч-

ший друг майора Сумина, начальника особого отдела полка — был крайне неприятной личностью. Подозрительный, непредсказуемый, себе на уме, гордый на любую пакость. Командиры его не любили, но терпели. Свои обязанности майор Гуньков худо-бедно исполнял. Он действительно поглядывал на Настю, делал ей непристойные предложения, а на Шубина косился недобрый взглядом. Но пока не пакостил, присматривался. Что он мог сделать Шубину? Да ничего! Кулаки чесались дать по морде, но он держал себя в руках. Для майора Гунькова это был бы очень дорогой подарок.

— Лучше бы ты этого не говорила, — недовольно проворчал Глеб. — Однажды точно не выдержу, съезжу ему по роже.

— И кому сделаешь лучше? — Настя задрожала и прижалась к нему. — Вот Гуньков обрадуется, когда у тебя начнется насыщенная, но недолгая жизнь: арест, трибунал, расстрел. И никакой майор Малахов с капитаном Фокиным тебя из беды не вытащат.

Расстаться было сложно, но он не мог оставаться в этой «усыпальнице». После полуночи он поднялся, потеснив спящую женщину, и выбрался из землянки. Курил, наблюдая, как в ночном воздухе переливаются огни фонарей, слушал канонаду. Немцы ночами обычно предпочитали

спать, но сейчас работали круглосуточно, сокращая личный состав окруженной армии. Спокойствие вокруг деревни Разборово было хрупким, могло разбиться в любую минуту. Докурив, Шубин пробрался в блиндаж, кивнув постовому Лыкову, и боком протиснулся к своему топчану. Блиндаж ходил ходуном от дружного храпа. Но засыпали и не в таких условиях. Впрочем, этой ночью Шубин не мог уснуть, ворочался, пихал Серегу Ляха, норовившего прижать его к стене. После каждой вылазки в немецкий тыл свободных мест становилось больше, но все равно было тесно. Он лежал, тарачился в земляной потолок и вспоминал минувшее...

Тактическая группа Катукова свою задачу под Москвой выполнила — отогнала фашиста на запад. Наступление продолжалось. В первой декаде февраля Шубина и выживших бойцов из взвода включили в ряды 290-го полка 113-й стрелковой дивизии, входящей в состав 33-й армии генерал-лейтенанта Ефремова.

В начале войны генерал командовал 29-й армией, она вела тяжелые бои на могилевском направлении. Армия сковала крупные немецкие силы и задержала их продвижение к Днепру. В августе генерала назначили командующим войсками Центрального фронта. В сентябре — заместителем командующего Брянским фронтом. Он возглавил 10-ю армию, а в октябре стал командующим

33-й армией. С конца ноября армия сражалась на реке Нара. Когда фельдмаршал Бок предпринял очередную попытку фронтального прорыва к Москве и смял позиции одной из стрелковых дивизий, Ефремов действовал грамотно и решительно. Наро-Фоминский прорыв создал угрозу для Москвы. Сводная группа Ефремова встала неодолимой стеной, в течение нескольких дней разгромила противника и отбросила его с занимаемых позиций. Положение на реке Нара было восстановлено. 33-я армия полностью освободила Наро-Фоминск, в начале января — Боровск, еще через две недели — Верею. Армия была измотана, нуждалась в отдыхе и в пополнении.

На это и рассчитывало ее командование. Поэтому полной неожиданностью стал приказ Жукова наступать на Вязьму. Не только Ефремов — все войска Западного фронта перешли в наступление. Но в этом состоял главный просчет командования. Приказ Сталина наступать на всех фронтах не был подкреплён ресурсами и привел к потере инициативы и неоправданным жертвам. Поначалу наступление развивалось неплохо, 33-я армия подошла вплотную к Вязьме и устремилась в глубокий прорыв. Но плацдарм не расширили, толком его не обороняли. Командование требовало идти вперед, не снижая темпа. 33-я армия вырвалась вперед, когда противник фланговыми ударами перерезал коммуникации, и армия фактически

оказалась в западне. Наступление заглохло, войска перешли к обороне. Немецкие контрудары следовали один за другим. Ефремов предпринял несколько попыток вырваться из котла, но они провалились. Войска подвергались непрерывным ударам с земли и воздуха. 43-я армия, наступавшая рядом, пыталась пробить коридор к группировке Ефремова, но и эти попытки завершились неудачей. Армия гибла в вяземских лесах, людей становилось меньше...

Но пока наступление развивалось по плану, произошло знаменательное событие — партизанской группе полковника Моисеевского удалось прорваться к наступающим частям. Все эти месяцы командир погибшей в октябре дивизии вел успешные партизанские действия, крупно нервировал врага, уничтожал тыловую структуру и коммуникации. Отряд несколько раз менял дислокацию, уходя от карательных облав, обрастал людьми и техникой и в итоге превратился в серьезную силу. К войскам примкнули больше тысячи партизан — бывшие красноармейцы и местные жители.

Во время описываемых событий произошла встреча с Лидой Разиной. Шубин месяцами о ней грезил, всячески проигрывал в голове этот волнительный момент. Ранее поступали весточки, что Лида жива, но в последние месяцы радиосвязи не было, приходили только сведения, что отряд